

Работал литературным сотрудником газеты Военной академии имени М.В. Фрунзе, а в начале войны поступил в элитное кремлевское училище. В составе курсантской роты он участвовал в обороне Москвы. В боях под Клином рота была почти полностью уничтожена, а Воробьев попал в плен. Он пережил ужас семи концлагерей, трижды бежал из них. Последний побег стал удачным, и с тех пор этот день – 24 сентября – писатель стал считать своим вторым днем рождения.

После побега Константин Дмитриевич партизанил в литовских лесах, за что был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. С 1947 года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий: был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В Литве он встретился с будущей женой,

датным землям, к красоте и особой стати своих земляков. Читая его произведения, встречаешь слова из курского говора, упоминания о древнем сторожевом кургане на подходе к селу, о белых хатах, степных подсолнухах и неугомонных, разгульных летних грозах. Вот она, тоска по родине по-воробьевски: «...Я нагнулся к земле – в наших краях она особенная: черная, как сажа, и такая мягкая, пахучая, родимая»; «...Купе наполнилось сладковатым запахом чебреца, мяты и солнца – запахом моей родины»; «...День тогда выдался как наш курский: теплынь, солнышко».

В последние годы жизни Воробьев особенно хотел вернуться на родину. И все же не смог: с позиции тогдашней морали он был виновен в том, что попал в плен, что вынес нечеловеческие страдания и остался жив, в том, что говорил правду о войне, о годах коллективизации. Ту

аистами воплотили в камне историю жизни двух близких по духу людей – писателя, прожившего свой недолгий век на чужбине, и жены, разделившей с ним бремя безвестности, мужчины и женщины, опаленных войной, нахождением в партизанском отряде в Литве, а также черным, как деготь, трудом ради того, чтобы воплотить пережитое в подлинное и честное слово, в настоящую литературу.

Тополь – это любимое дерево Воробьева, его тайный знак родине, благодатной южной земле. А аисты – символ любви, доброты и верности. Теперь они поселились на могиле писателя, который истово любил родную землю и был ей беззаветно предан.

Валентина Григорьевич,
заведующая Литературным
музеем – филиалом Курского
областного краеведческого музея,
заслуженный учитель РФ

Памятник на могиле Константина Воробьева

Верой Викторовной. Здесь появились на свет дети, впервые были напечатаны многие его книги. Но всю жизнь он тосковал по России. В 1945 году Воробьев приезжал в родную деревню Нижний Реутец. Вернулся оттуда усталый и опечаленный тем, что увидел: «Есть нечего, полный разор хозяйства». Впечатления от поездки легли в основу рассказа «Живая душа».

Вообще через всю свою нелегкую, трагическую жизнь Константин Дмитриевич пронес любовь к курским степным просторам, благо-

правду, которая многим открылась только в наше время. С ней и возвратился писатель на родную землю – уже после смерти. Умер Константин Воробьев 2 марта 1975 года в Литве, а 21 октября 1995 года его прах был перевезен в Курск и перезахоронен на Мемориале воинской славы. Позже рядом была похоронена и супруга, Вера Викторовна.

Открытый недавно на могиле памятник стал символом судьбы этой семейной пары: две чуть отстоящие друг от друга стелы, тополь и гнездо с

В тему

На открытии памятника у присутствовавшего там поэта Юрия Асмолова родились такие строки:

У могилы К. Д. Воробьева

Прошла война. Пришёл в Россию мир.
Но не пришли убитые. И, мучась,
В Россию не вернулся командир,
Которого ждала лихая участь.
Нет, дело здесь не в страхе, ведь не раз
Он из огня да в полымя бросался.
Он отдал самому себе приказ:
Жить! И без всякой лжи, и без прикрас
Вести народу грустный свой рассказ
О тех, с кем он плечом к плечу сражался...

Прошла война. Но вновь за боем – бой!
И никакой надежды нет на милость...
И всё-таки вернулся он домой
И, значит, торжествует справедливость.
И у его могилы я стою
И говорю, что накопело: «Братцы!
Устали вы – я тоже устаю,
Но стыдно нам в своём родном краю
Унынью предаваться и нытью
И разным там невзгодам поддаваться»...
Но, чувствуя к стране своей любовь,
У самого душа болит, тоскует:
Да, торжествует справедливость вновь,
Но снова с опозданием торжествует.